
Обращеніе германцевъ съ ранеными плѣнными.

Таковы, по словамъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ, страданія нашихъ раненыхъ воиновъ, оставшихся на полѣ битвы и попавшихъ во власть жестокаго врага. Страданія эти ужасны, но къ счастью они были кратковременны и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что многіе, испытавшіе дальнѣйшіе ужасы германскаго плѣна, завидовали тѣмъ, которые въ братскихъ могилахъ нашли свой вѣчный покой.

Своевременная подача помощи жертвамъ войны, какъ то: уборка раненыхъ съ поля битвы, доставка ихъ на перевязочные

пункты и въ полевые лазареты, перевязка и т. п. стоитъ въ зависимости отъ ряда условій, предвидѣть и учесть которыя не представляется возможности, и поэтому не можетъ быть поставлено въ упрекъ врагу, если наши раненые иногда по нѣсколько сутокъ оставались безъ всякой медицинской помощи и нерѣдко даже погибали только потому, что перевязка была сдѣлана слишкомъ поздно и загноившаяся рана вызывала общее зараженіе крови. Но если такіе случаи находятъ себѣ объясненіе при объективной оцѣнкѣ причинъ, изъ вызвавшихъ, то не можетъ быть найдено оправданія врагу тогда, когда онъ не только не прилагалъ возможныхъ усилій къ уменьшенію страданій раненаго, но умышленно усиливалъ послѣднія въ цѣляхъ глумленія надъ беззащитнымъ и больнымъ человѣкомъ.

Рядовой лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго полка Леонтій Музыка былъ очевидцемъ того, какъ нѣмецкіе солдаты, увидѣвъ лежавшаго на землѣ въ ожиданіи перевязки тяжело раненаго казака, подошли къ нему и стали требовать, чтобы онъ всталъ и показалъ имъ „казацкій видъ“. Обезсиленный раненый не могъ исполнить требуемаго и германскіе солдаты со смѣхомъ стали бить его кулаками и ногами и глумились надъ несчастнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не смолкъ на вѣки.

Рядовой 93 Иркутскаго полка Александръ Федоровъ былъ принесенъ во дворъ одного изъ домовъ въ Инстербургѣ для перевязки. Недалеко отъ него лежали два раненыхъ казака. Германскіе солдаты окружили послѣднихъ, били и глумились надъ ними и, наконецъ, палками и прикладами ружей добились ихъ тутъ-же на перевязочномъ пунктѣ, на глызахъ у Федорова.

Рядовой лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго полка Юсифъ Дашкевичъ былъ поднятъ нѣмецкими санитарями на третій день послѣ окончанія боя подъ Лодзью и вмѣстѣ съ тремя другими русскими ранеными отнесенъ въ ближайшую усадьбу. Раненыхъ помѣстили въ хлѣву, гдѣ стоялъ скоть, бросили на навозъ и, несмотря на просьбу сдѣлать хотя какую нибудь перевязку, чтобы защитить раны отъ загрязненія, нѣмецкіе санитары удалились, оставивъ раненыхъ не только безъ всякой медицинской помощи, но и безъ присмотра. Вскорѣ хлѣвъ, въ которомъ были помѣщены раненые, загорѣлся отъ артиллерійскаго снаряда. Нѣмцы, не спѣша, вывели скотину, вынесли имущество, не представлявшее особой цѣнности, и, лишь когда огонь уже значительно распространился, выволокли изъ пылавшаго зданія Дашкевича и еще

одного изъ раненныхъ; двое другихъ остались въ хлѣву и заживо сгорѣли.

Раненаго ружейной пулей и дважды контуженнаго въ бою 14 Августа 1914 г. подъ Сольдау полковника 4 Стрѣлковаго полка Михаила Савельева германскіе солдаты взяли въ плѣнъ и доставили въ имѣніе Рутковиць. Въ имѣніи былъ роскошный барскій домъ, въ которомъ были размѣщены раненые германскіе солдаты; несмотря на то, что въ домѣ было достаточно свободныхъ комнатъ, раненаго полковника Савельева помѣстили въ маленькой, съ однимъ окномъ, комнатѣ подвального этажа, полъ которой былъ покрытъ грязью, пухомъ, битымъ стекломъ и разнымъ мусоромъ; въ ту же комнату положили еще двухъ тяжело раненныхъ офицеровъ и шесть раненныхъ русскихъ нижнихъ чиновъ. По прибытіи въ Рутковицы плѣнныхъ не кормили и на ночь поставили лишь небольшую баклагу съ водой. Въ комнатѣ стояли кровать и кушетка, другой мебели не было. Наступила ночь и усталые и изстрадавшіеся отъ физическихъ и нравственныхъ мукъ плѣнные даже не имѣли возможности подкрѣпить себя сномъ: нижніе чины съ неперевязанными ранами расположились на грязномъ полу, кровать и кушетка были предоставлены тяжело раненымъ офицерамъ, а полковникъ Савельевъ провелъ ночь, сидя на краю кушетки. На слѣдующій день плѣнныхъ трижды подвергали допросу о количествѣ нашихъ силъ и стратегическомъ ихъ расположеніи и лишь вечеромъ впервые явился фельдшеръ въ сопровожденіи санитаря. Фельдшеръ наскоро перевязалъ раненныхъ, а санитаръ стоялъ во время перевязки съ револьверомъ въ рукѣ, направляя дуло въ лицо перевязываемаго.

Поручикъ 314 Новооскольскаго полка Михаилъ Кудряшевъ былъ, въ бою 4-го Ноября 1914 года раненъ въ ногу тремя пулями, одна изъ которыхъ раздробила кость. Несмотря на сильную боль, Кудряшеву удалось доползти до деревни, въ которой онъ предполагалъ найти наши войска; между тѣмъ оказалось, что послѣ боя деревня, въ которую приползъ Кудряшевъ, была оставлена русскими. Въ деревнѣ царяла полнѣйшая тишина и лишь въ одной избѣ свѣтился огонекъ. Кудряшевъ направился къ избѣ, вползъ въ нее и засталъ тамъ нѣсколько русскихъ раненныхъ нижнихъ чиновъ, съ которыми и провелъ ночь. Съ разсвѣтомъ въ деревню вступилъ германскій конный разъѣздъ и къ одному изъ вошедшихъ въ избу офицеровъ Кудряшевъ обратился съ просьбой привести врача для подачи помощи раненымъ

Выслушавъ просьбу, германскій офицеръ улыбнулся и затѣмъ, не обращая вниманія на тяжелое состояніе Кудряшева, подвергъ его продолжительному допросу о силѣ и расположеніи нашихъ войскъ. Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, германскій офицеръ вышелъ изъ избы, оставивъ на произволь судьбы раненыхъ—живыхъ вмѣстѣ съ мертвыми.

Лишь вечеромъ того же дня, благодаря участливости мѣстнаго помѣщика—поляка, раненыхъ навѣстилъ врачъ и сдѣлалъ первоначальныя перевязки. Черезъ три дня раненыхъ, въ томъ числѣ и поручика Кудряшева, въ телѣгѣ перевезли въ г. Гостынинъ и помѣстили въ лазаретъ, оборудованный въ зданіи мѣстной гимназіи. Раненыхъ бросили въ прихожей на полъ на грязную, мокрую и издающую зловоніе солому и оставили безъ всякой медицинской помощи. Кудряшева томила жажда, но, несмотря на мольбы и стоны, никто изъ проходившихъ не далъ ему ни глотка воды. Лишь вечеромъ лазаретные врачи обратили вниманіе на Кудряшева и лежавшихъ съ нимъ раненыхъ и приступили къ очисткѣ и перевязкѣ ранъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).